

Алешкин Петр Федорович

"ЧАПАННАЯ ВОЙНА": ФЕНОМЕН КРЕСТЬЯНСКОГО ПОВСТАНЧЕСТВА В ПОВОЛЖЬЕ

В статье раскрывается сущность феномена протестного движения поволжского крестьянства в 1919 г., получившего наименование "чапанки", или "чапанной войны". Обоснованы причины, характер и направленность крестьянского протеста в отношении политики военного коммунизма.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/7-2/2.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 7 (13): в 3-х ч. Ч. II. С. 12-15. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Безусловно, «феноменология культуры» не может быть названа универсальной моделью развития культуры: ее автор не упоминает о том, что его типология применима к каким-либо локальным культурным образованиям, к археологическим культурам древности, к западной или восточной культуре. Для Белого важным являлось то, что «феноменология культуры» позволяла проследить, каким образом происходит изменение человеческого самосознания в процессе своего развития и, соответственно, по каким законам совершается изменение культуры в целом.

В любом случае, стремление восполнить существующую в настоящее время лауну в исследовании культурфилософии Андрея Белого имеет большое значение. Это связано с тем, что культурологическое наследие А. Белого сегодня может быть рассмотрено в едином контексте с аналогичными исследованиями культуры, появившимися в конце XIX – начале XX века в Европе. Пробуждение исследовательского интереса к культуре как к особой области знания, которое фиксируют в обозначенный период времени Э. Тайлор, В. Вундт, Г. Риккерт, В. Оствальд и другие мыслители Европы, а также П. Я. Чаадаев, Н. Я. Данилевский, П. Н. Миллюков в России, свидетельствует о том, что определение места культурологии в системе научного знания было исторически необходимо. Этот процесс протекал одновременно как в Европе, так и в России и являлся закономерным этапом развития науки. А. Белый, будучи одаренным и энциклопедически образованным мыслителем, не мог не откликнуться на проблему, поставленную эпохой. В любом случае, в настоящее время для адекватной оценки состояния отечественного гуманитарного знания начала XX века необходимо обращение исследователей русской культуры к фигуре Андрея Белого и его времени в целом.

Список литературы

1. **Белый А.** Кризис культуры // Белый А. Символизм как миропонимание. М.: Республика, 1994. С. 260-296.
2. **Белый А.** Между двух революций: воспоминания: в 3-х кн. М.: Художественная литература, 1989. Кн. 3. 670 с.
3. **Белый А.** Основы моего мировоззрения // Литературное обозрение. 1995. № 4-5. С. 13-37.
4. **Белый А.** Проблема культуры // Белый А. Символизм как миропонимание. М.: Республика, 1994. С. 18-25.
5. **Белый А.** Революция и культура // Там же. С. 296-308.
6. **Белый А.** Философия культуры // Там же. С. 311-326.
7. **Шпенглер О.** Закат Европы: опыт морфологии мировой истории / авт. вступит. статьи А. П. Дубнов, авт. комментариев: Ю. П. Бубянкoв и А. П. Дубнов. Новосибирск: Сибирская издательская фирма «Наука», 1993. 592 с.

ANDREI BELYI ABOUT PHILOSOPHY AND PHENOMENOLOGY OF CULTURE

Nadezhda Viktorovna Aleksandrova

Department of Culture Theory and History

St. Petersburg State University of Culture and Arts

aleksandrova-nv@mail.ru

The author analyzes the culturological ideas of the writer-symbolist and philosopher Andrei Belyi in the 1920s: philosophy and phenomenology of culture, the interpretation of the notions “culture” and “civilization”, the methods of culture research and pays special attention to the problem of the approaches correlation to understanding the crisis of culture in A. Belyi and O. Spengler’s works.

Key words and phrases: Andrei Belyi; Oswald Spengler; native culturological thought at the beginning of the XXth century; philosophy of culture; phenomenology of culture; culture and civilization; crisis of culture.

УДК 94(470)

В статье раскрывается сущность феномена протестного движения поволжского крестьянства в 1919 г., получившего наименование «чапанки», или «чапанной войны». Обоснованы причины, характер и направленность крестьянского протеста в отношении политики военного коммунизма.

Ключевые слова и фразы: крестьянство; власть; протестное движение; восстание; политика военного коммунизма.

Петр Федорович Алешкин, к.и.н.

Общероссийский молодежный журнал «Наша молодежь», г. Москва

aleshkin@list.ru

«ЧАПАННАЯ ВОЙНА»: ФЕНОМЕН КРЕСТЬЯНСКОГО ПОВСТАНЧЕСТВА В ПОВОЛЖЬЕ©

События 1919 г. в поволжской деревне являются неотъемлемой частью общероссийского протестного крестьянского движения, направленного против политики военного коммунизма. К началу 1919 г. Поволжье было полностью освобождено от антисоветских сил, и вся его территория стала источником продовольственных и людских ресурсов для Советского государства.

3 марта 1919 г. практически одновременно в нескольких уездах Симбирской и Самарской губерний стихийно вспыхнуло крестьянское восстание, вошедшее в историю как «чапанная война» (*от слова «чапан» – крестьянский кафтан, верхняя одежда крестьян*). В числе первых запыльхали Сенгилеевский уезд в Симбирской губернии (села Новодевичье, Русская Бектяшка), Ставропольский уезд Самарской губернии (Ягодное, Отрадное, Мусорка, Хрящевка, Ташла) [6, с. 133-134, 137].

Одним из очагов восстания стало крупное село Новодевичье Сенгилеевского уезда Симбирской губернии. Волостное село Новодевичье имело свыше тысячи дворов и располагалось в центре хлебного района, у волжской пристани. Волнения в Новодевичьем начались на сходе 3 марта, созванном сельским Советом. У нем было объявлено о фактах произвольной реквизиции хлеба и скота комиссаром Беловым. 3 марта вечером крестьяне ворвались в почтово-телеграфную контору и захватили телеграфный аппарат. На усмирение крестьян был отправлен отряд в 50 человек, однако произошло непредвиденное событие: в результате мирных переговоров крестьяне убедили бойцов отряда в своей правоте – отряд сдал оружие крестьянам без всякого сопротивления [Там же, с. 246].

Из Сенгилеевского уезда крестьянские волнения перекинулись в Симбирской губернии на Сызранский и Карсунский уезды, в Самарской – на Мелекесский, Ставропольский и Самарский уезды. 9 марта 1919 г. председатель Казанской губчека К. М. Карлсон направил телеграмму в штаб Приволжского военного округа с информацией о начале восстания в Казанской губернии. Местные губернские власти сразу же объявили об эсеровской и белогвардейской организации восстания. Подобный шаг имел своей целью создание пропагандистского мифа о якобы заговорах и происках врагов трудового крестьянства. Таким образом, местные партийные и советские руководители пытались перенести вину и ответственность за собственные просчеты и ошибки. Как только восстание охватило почти всю Симбирскую губернию, председатель губисполкома М. А. Гимов доложил в Наркомат внутренних дел, ЦК РКП(б) и ВЦИК, что «во главе восстания стоят правые эсеры, генерал Бердичев и граф Орлов» [1, д. 84, л. 5]. В газете «Известия Симбирского губернского совета рабочих и крестьянских депутатов» появилась статья под названием «Белогвардейский бунт», в которой утверждалось, что «крестьянство, участвующее в восстании, во-первых, состоит из кулачества, ибо села Новодевичье, Бектяшка, Хрящевка – самые богатые в этом краю, во-вторых, имеются установленные данные, что восстанием руководят офицеры, которые оказались даже среди убитых, пристава, генерал Бердичев и известный помещик, обладающий огромными имениями в Жигулях, Орлов-Давыдов» [5].

Член Реввоенсовета Восточного фронта С. И. Гусев в докладе на имя В. И. Ленина и Я. М. Свердлова о восстании крестьян в Симбирской губернии утверждал, что оно «носит все следы организованности. Руководят им, по слухам, бывшие офицеры полковник Павлов, полковник граф Орлов, генерал Бердичев. Есть сведения, что под одним документом имеется подпись бывшего секретаря правых эсеров, но чувствуется присутствие левых эсеров. Организации восставших иногда называются “Блоком трудового крестьянства”, иногда “Крестьянским союзом”, “Крестьянской секцией” и так далее» [6, с. 144-145].

Но все эти сведения не соответствовали реальной действительности. Волнения в селах происходили по одинаковому сценарию стихийного народного протеста: набатный звон призывал крестьян на сход, сельский сход осуждал произвол органов коммунистической власти, выносил приговор о восстании под лозунгами «За Советскую власть, за Октябрьскую революцию!», но «Долой власть коммунистов-насильников и грабителей!». После принятия подобного решения следовали аресты коммунистов и работников органов власти, крестьяне вооружались тем, что было под руками, выбирали штаб и командиров, направляли делегатов по соседним селам и волостям с призывом присоединиться к восстанию.

Советский агитатор Н. Г. Петров в своем отчете информировал, что «в Новодевичье на какую-либо связь с левыми эсерами нет буквально ни одного указания». Агитатор объективно засвидетельствовал «совершенное отсутствие следов пребывания в Новодевичье посторонних лиц, вопреки всем газетным сообщениям о каком-то поручике, графе Орлове-Давыдове и т.д. Выдвинувшиеся во время восстания руководители Новодевиченского “штаба” все были исключительно из местных людей» [Там же, с. 182-187]. Трудно было поверить политической сказке, что бывший крупный помещик Жигулевской волости граф Орлов-Давыдов после революционного передела его земель вдруг поднял захвативших и разграбивших его поместье крестьян на борьбу с Советской властью.

Взрыв крестьянского недовольства политикой большевиков весной 1919 г. в уездах Самарской и Симбирской губерний определялся тем обстоятельством, что именно на их долю после освобождения Среднего Поволжья от белых пришла основная тяжесть продразверстки и других натуральных повинностей. Одна Самарская губерния из урожая 1918 г. поставила Советской России пятую часть всего добытого в заготовительную кампанию хлеба [4, с. 181]. Ситуация усугубилась близостью фронта: мобилизацией всех людских и материальных ресурсов любой ценой, принудительными реквизициями продовольствия и скота для нужд фронта. При реквизиции скота отнимали последних кур. В Сенгилеевском уезде председатель уездного комитета партии участвовал, будучи членом ЧК, в десятках избиений арестованных и дележе конфискованных вещей [6, с. 145].

Одной из весомых причин восстания стали насильственные действия местных органов власти по взысканию с населения «чрезвычайного 10-миллиардного революционного налога на имущие группы городского и сельского населения» [4, с. 465-469]. Налог на деревню оказался столь преувеличенным, что его изъятие проводилось не только с имущих, но и с населения деревни в целом. Чрезвычайный налог отождествлялся с контрибуцией. Насильственные действия местных властей – комбедов, партийных ячеек, продотрядов – по отношению к крестьянам в ходе сбора чрезвычайного налога и продразверстки вызвали взрыв крестьянского недовольства. При взимании чрезвычайного налога практиковались пытки вроде обливания людей водой и замораживания. Губернские организации смотрели на это сквозь пальцы [6, с. 145]. «Чапанная война» стала протестной реакцией крестьянства против чрезвычайной политики власти.

Общего руководства в «чапанной войне» не было. В районах восстания были созданы волостные и сельские штабы повстанцев. Из крестьянской среды выдвигались начальники штабов и военные руководители, знающие военное дело. В селе Новодевичье повстанцев возглавил крестьянин Козятин, в Печерской волости восстанием руководил крестьянин из деревни Львовки – Василий Минеев, в Ново-Рачемской волости – крестьяне Дмитрий Червяков и Иван Матвеев. В повстанческих штабах выделялись бывшие советские работники: военком Никольской волости Василий Никеров и военрук Иван Красильников, военком Усинской волости Василий Приданов-Голоднов и военрук Герасим Королев были бывшими унтер-офицерами царской армии. Такая ситуация оказалась повсеместной в повстанческих районах. Среди организаторов крестьянского восстания было немало представителей волостных и сельских Советов: председатель Усинского сельского исполкома Осип Балакин, заместитель председателя сельского совета Григорий Шикин-Земляков, председатель Жигулевского сельского совета Тимофей Сумароков, председатель Жемковского волостного исполкома Василий Дорофеев и секретарь исполкома Павел Комаров [Там же, с. 260, 261, 268].

«Чапанка» как стихийный крестьянский протест отличалась массовостью. За неделю восстание охватило всю Симбирскую губернию, часть Самарской и часть Казанской губерний, освобожденные осенью 1918 г. от власти Кому́ча. Однако единой армии у повстанцев, как и единого военного руководства, не было: каждое село, поселок защищались самостоятельно. Характерным олицетворением народного восстания являлось вооружение крестьян: в сельских кузницах изготавливались наконечники для деревянных пик, на длинные шести насаживались штыки или крючья (специально для кавалеристов), топоры, вилы, а зачастую использовалась просто русская дубинка. Незначительное количество огнестрельного оружия, пулеметов было отнято у красноармейцев. 9 марта начальник штаба Восточного фронта Лазарев сообщил члену РВС фронта Гусеву о количестве восставших – около 200 тысяч человек [7, д. 13, л. 78]. Конечно, цифра повстанцев была явно преувеличена.

7 марта 1919 г. повстанцы заняли Ставрополь – уездный центр Самарской губернии – и избрали Ставропольский временный исполком, комендатуру, которые приступили к организации Крестьянской армии и организации жизни мирного населения. Постановлением Ставропольского Совета рабочих и крестьянских депутатов от 11 марта 1919 г. был утвержден лозунг «Вся власть Советам!» [6, с. 113]. Позиция Ставропольского Совета была отчетливо выражена в принятой «платформе»: «на основании Конституции Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, исполнительный комитет стоит на платформе защиты Советской власти, но всеми силами протестует против засилия коммунистов». Необходимо подчеркнуть, что власть Советов в сознании крестьян-повстанцев отождествлялась с народной властью [Там же, с. 111]. Активная деятельность Ставропольского Совета, ставшего идейным центром «чапанного» восстания, опровергала миф о белогвардейском или эсеровском заговоре. Умонастроение крестьянской массы связывало собственное будущее не с монархическим устройством государства, а с народной, представительной властью, олицетворяемой формой Советов как «плотью и кровью» народа. В этой связи примечательно, что в одном из воззваний штаб повстанцев объявил: «...прежние защитники Учредительного собрания также признают, что только власть Советов, беднейших крестьян и рабочих закрепит наши завоевания» [2, д. 64, л. 86].

Комендатура повстанцев объявила мобилизацию от 18 до 40 лет. Уклонявшиеся от мобилизации объявлялись противниками народной власти и подлежали военно-полевому суду. Противоборство сопровождалось агитационно-пропагандистской борьбой органов власти с повстанцами. Реввоенсовет Восточного фронта выпустил массовым тиражом листовку «Коммунисты и большевики». В свою очередь, печатный орган повстанцев – «Известия Ставропольского исполкома» – в ряде воззваний, обращенных к различным категориям населения, подчеркивал мысль о незыблемости Советской власти, нежелании возврата к старым, дореволюционным порядкам. Воззвания заканчивались лозунгами: «Да здравствует Советская власть на платформе Октябрьской революции!», «Да здравствуют Советы!», «Да здравствует Воля Народа!».

В воззвании повстанческой комендатуры Ставрополя «К красноармейцам» подчеркивалось: «Мы, восставшие труженики, кормильцы всего населения России, крестьяне, обращаемся к Вам с заявлением, что мы восстали не против Советской власти, но восстали против диктатуры коммунистов – тиранов и грабителей. Мы объявляем, что Советская власть остается на местах. Советы не уничтожаются, но в советах должны быть выборные от населения лица, известные народу данной местности. Мы ни на шаг не отступаем от Конституции РСФСР и руководствуемся ею. Призываем Вас – братья-красноармейцы, примкните к нам, восставшим за справедливое дело, восставшим против засилия коммунистов. Братья! Не проливайте братскую кровь напрасно! Не медлите, примыкайте к крестьянам – ведь вы такие же крестьяне!» [6, с. 105].

Некоторые красноармейские части откликнулись на этот призыв восставших крестьян. Командующий 4-й армией М. В. Фрунзе сообщал в докладной записке Л. Д. Троцкому, И. Т. Смилге, В. И. Ленину: «В ночь с 10 на 11 марта была произведена попытка поднять восстание в самой Самаре в воинских частях. Взбунтовался 175-й полк; разбив артиллерийские склады и разобрав бывшие там берданки, он пытался поднять другие части и в первую очередь инженерный батальон моей (4-й) армии. Призыв успеха не имел, и к 3 часам утра дело было ликвидировано» [7, д. 13, л. 64–66]. Прибывшим из Самары отрядом воинские части в Сызрани были обезоружены. Военный штаб Приволжского военного округа направил на подавление восстания регулярные части, оснащенные пулеметами, орудиями, кавалерией.

Безоружные повстанцы ожесточенно оборонялись, отражали атаки. В ответ на ожесточенное сопротивление повстанцев Сызранский ревком объявил: «1. Издать приказ по всем частям действующей армии, чтобы лиц, принимавших активное участие в восстании, как-то: заставленных с оружием в руках, обнаруженных при порче дорог, телеграфа и пр., в плен не брать, а расстреливать на месте. 2. Поручить особому отделу произвести строгое расследование над пленными и в связи со степенью виновности делить их на 3 категории: 1) лиц, принимавших активное участие в восстании и подлежащих к расстрелу; 2) лиц, способствовавших восстанию другим путем и подлежащих к отправлению на общественные работы...» [3, с. 38].

К 20 марта восстание было жестоко подавлено карательными отрядами ВЧК и Красной армии. Командующий 4-й армией М. В. Фрунзе докладывал Троцкому, Смилге, Ленину о подавлении крестьянского восстания в тылу Восточного фронта: «В уездах к настоящему времени восстания ликвидированы. Центр восставших – Ставрополь взят 13 марта, а к 16-му заняты последние очаги восстания. Движение носило массовый и организованный характер... Восстание шло под лозунгами “Да здравствует Советская власть на платформе Октябрьской революции!”, “Долой коммунистов и коммуны!”» [7, д. 13, л. 64-66].

ВЦИК создал особую комиссию «по ревизии советов Поволжья» во главе с П. Г. Смидовичем. Данная комиссия представила достаточно объективную оценку причин восстания. В Сенгилеевском уезде Симбирской губернии комиссии пришлось открыть особый революционный трибунал с участием в нем представителей крестьянства. К суду были привлечены сотрудники уездной ЧК, которую ревтрибунал был вынужден упразднить за вопиющие злоупотребления. Ревтрибунал при особой комиссии ВЦИК 6 апреля 1919 г. вынес приговор бывшим руководителям и сотрудникам Сенгилеевской уездной ЧК: председатель А. Саблин и его заместитель Я. Мач получили по 10 лет лишения свободы, Я. Блюма приговорили к расстрелу, других сотрудников – к тюремному заключению, принудительным работам на различные сроки [2, д. 64, л. 79, 81].

Для выяснения причин восстания ВЧК направила в Поволжье собственную комиссию. Сотрудники ВЧК представили 9 мая 1919 г. на имя Феликса Дзержинского подробный доклад. В нем подвергались резкой критике действия местных органов власти, которые, по мнению членов комиссии, вызвали возмущение крестьянства: обращалось внимание, что крестьяне восставших селений в подавляющем большинстве по имущественному состоянию середняки [6, с. 245-248].

Крестьянское протестное движение в Поволжье, несмотря на элементы организованности, по своей природе оставалось стихийным, обреченным на неравное противоборство с мощной государственной машиной и неудачу.

Список литературы

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-393. Оп. 10.
2. ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 94.
3. Гурьев Н. Чапанная война. Сызрань, 1924.
4. Декреты Советской власти. М., 1961. Т. 3.
5. Известия Симбирского губернского совета рабочих и крестьянских депутатов. 1919. 14 марта.
6. Крестьянское движение в Поволжье: 1919-1922 гг.: документы и материалы / под ред. В. Данилова и Т. Шанина. М., 2002.
7. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 106. Оп. 7.

“CHAPAN WAR”: THE PHENOMENON OF PEASANT REVOLT WITHIN VOLGA REGION

Petr Fedorovich Aleshkin, Ph. D. in History
All-Russian youth journal “Our Youth”, Moscow
aleshkin@list.ru

The author reveals the nature of peasant revolt movement phenomenon within Volga region in 1919, which gained the name of “chapanka” or “chapan war” and substantiates the reasons, nature and direction of peasant revolt in relation to War Communism policy.

Key words and phrases: peasantry; power; revolt movement; rebellion; War Communism policy.

УДК 34.01

Статья раскрывает преемственность идей русской политико-правовой мысли в трудах советского правоведа и государственного деятеля А. Я. Вышинского. Основное внимание в работе автор акцентирует на трансформации во взглядах А. Я. Вышинского традиционных констант российской государственности – православия, державности и соборности – под влиянием коммунистической идеологии.

Ключевые слова и фразы: преемственность; консолидация; консерватизм; право; коммунизм; культура; религия; марксизм; духовные константы; национальная идея.

Игорь Игоревич Анисимов

*Кафедра теории и истории государства и права
Белгородский государственный университет
sunnu-land@mail.ru*

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ИДЕЙ РУССКОЙ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ В ТРУДАХ А. Я. ВЫШИНСКОГО©

На современном этапе российское общество нуждается в консолидации, которая невозможна без обращения к политико-правовому наследию русской¹ мысли, так как правовая культура представляет собой

© Анисимов И. И., 2011

¹ В настоящей статье термины «русский» и «российский» употребляются как синонимы.